

МОСКВИТЯНИНЪ.

1845.

ЧАСТЬ VI.

№ 12.

ДЕКАБРЬ.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О КНИГѢ СТОГЛАВЪ.

Много говорили, много писали о *Стоглавъ*, о *Стоглавомъ Соборѣ*. Когда споры съ раскольниками были жарки: не удивительно, что книгу Стоглава смѣшивали съ дѣлами Собора 1551 г., называя послѣдній Стоглавымъ Соборомъ. Но смѣшеніе это было напрасное. Хорошо ли, худо ли Стоглавъ, — это не мѣшаетъ существованію Собора 1551 года.

Пусть въ 1551 г. собирались и разсуждали Епископы о церковныхъ предметахъ! Они разсуждали сами по себѣ. А писатель Стоглава разсуждать могъ самъ по себѣ. Мы будемъ говорить о историко-юридическомъ значеніи книги Стоглава и скажемъ о томъ сколько можемъ.

1. Въ дѣлѣ о книгѣ *Стоглавъ* весьма важно свидѣтельство Собора 1554 г. тѣмъ болѣе, что это свидѣтельство сохранилось въ древней запискѣ. Записка о Соборѣ 1554 г. по дѣлу Висковатаго (по Волокол. ркп. N 404). начинается такъ: „Въ льто 7062 мѣс. Окт. 25 д. (1553 г.) была рѣчь Царя и Государя В. К.

ДОКТОРЪ ВОЛЬФЪ ВЪ БУХАРЬ.

Приступая къ разсказу о самомъ необыкновенномъ и самомъ опасномъ предпріятіи, на какое только въ наше время кто-либо пускался, не бесполезно будетъ познакомиться хотя отчасти съ самымъ отважнымъ священникомъ, за приключеніями котораго намъ рены посылать. Вольфъ родомъ нѣмецкій жидъ. Отрекшись отъ вѣры предковъ своихъ, онъ получилъ ученое и религиозное воспитаніе въ коллегіумъ римской пропаганды. По слѣдующему анекдоту, за достовѣрность котораго ручаются, легко догадаться, что Вольфъ не могъ ограничиться коллегіумскимъ ученіемъ. Бывъ еще ученикомъ, онъ завелъ съ своими товарищами споръ объ вѣрности перевода одного текста Св. Писанія; противники предложили ему отдать вопросъ на судъ папы. — Не къ чему, отвѣчалъ смѣльчій новиціатъ: я не хуже его знаю по еврейски.

Покинувъ навсегда прежнихъ своихъ наставниковъ, Вольфъ три недѣли путешествовалъ по Франціи съ Англичаниномъ, замѣтившимъ его въ Римѣ по вышеприведенному случаю. Этихъ трехъ недѣль достаточно было для него, чтобы выучиться свободно говорить по Французски. Въ Кембриджъ онъ выучился арабскому и персидскому языкамъ, и, здѣсь же перешелъ къ англиканскому исповѣданію. Въ 1821 году начались продолжительныя миссіонерскіе труды его. Онъ путешествовалъ по Палестинѣ, Египту, Месопотаміи, Персіи, Крыму, Грузіи и по всей Турецкой Имперіи. Позднѣе, съ 1826 по 1830 годъ, проповѣдовалъ Слово Господне своимъ единоплеменникамъ, живущимъ въ Англіи, Шотландіи, Ирландіи, Голландіи и на берегахъ Средиземнаго моря. Потомъ — съ 1831 по 1734, продолжалъ свои заня-

тія въ Турціи, Персіи, Туркестанѣ, Бухарѣ, Авганистанѣ, Кашемирѣ, Индустанѣ и на берегахъ Чернаго моря.

Во времена перваго своего путешествія, Вольфъ былъ посаженъ въ тюрьму. Товарищемъ въ заключеніи былъ Магомедъ-Ханъ-Кераге, *терзатель головъ*, получившій такое прозвище, потому что, бывъ необыкновенно силенъ, онъ могъ безъ ножа обдирать черепа побѣжденныхъ непріятелей. Этотъ свирѣпый разбойникъ велъ свой родъ по прямой линіи отъ Чингисъ-Хана. Магомедъ-Ханъ-Кераге распространилъ ужасъ въ Хивѣ и Бухарѣ; Киргизы и другія кочующія племена были съ нимъ въ политическихъ сношеніяхъ; вдругъ счастье, покровительствовавшее первымъ его попыткамъ, покинуло его. Грозный узникъ не ропталъ на несчастье, и благословлялъ Божественный Промыслъ, столь строго наказавшій его. — Я упалъ, говоритъ онъ Вольфу, но Богъ великъ, и никто не можетъ знать своей судьбы.

Въ 1838 году Вольфъ просилъ себѣ постояннаго мѣста въ Англіи. Девятнадцать лѣтъ, проведенныхъ въ трудахъ, опасностяхъ и лишеніяхъ давали ему полное право искать успокоенія. Англиканская церковь, столь щедрая къ другимъ менѣ дѣятельнымъ служителямъ своимъ, дала ему убогое мѣстечко въ Йоркширѣ, приносящее 24 ф. с. годоваго дохода (не много болѣе 150 руб. серебр.), а общество вспоможенія бѣднымъ священникамъ (Pastorial aid society), обыкновенно назначавшее отъ себя къ этому жалованью 80 ф. ст. прибавки, отказало въ ней Вольфу потому, что онъ женился на Леди Джорджіанѣ (lady Georgiana), имѣвшей небольшой пожизненный доходъ.

Пять лѣтъ отправлялъ Вольфъ обязанности священника, сперва въ Сутвайтѣ, а потомъ въ Га-Голандѣ близъ Ваффилда, когда ему снова представился случай предпринять путешествіе, на этотъ разъ уже политическое, долженствовавшее обратить вниманіе публики на самоотверженіе этого человека, оставшагося до того времени незамѣченнымъ.

Англійское правительство отправило полковника Стоддарта въ Бухару, капитана Аббота и Роберта Шекспира въ Хиву, Капитана Конолли въ Кокандъ. Двое послѣднихъ исполнили свое дѣло успѣшно. Напротивъ того въ Бухарѣ случилось происшествіе, о которомъ Англія на долго сохранить печальное воспоминаніе.

Полк. Стоддартъ служилъ въ Азіи съ 1835 года при Персидскомъ посольствѣ. Послѣ отъѣзда посланника изъ Тегерана, т. е. въ Маіѣ мѣсяцѣ 1836 года, онъ заступилъ его мѣсто; въ 1837 году сопровождалъ Шаха въ походѣ къ Герату. Въ Іюнѣ мѣсяцѣ 1838 года, онъ вмѣстѣ съ сиромъ Джономъ М'Нейлемъ, посланникомъ при Персидскомъ дворѣ, воротился въ Тегеранъ, но вскоре отправился опять въ лагерь шаха подѣ Гератомъ: ему поручено было просить шаха снять осаду; вслѣдъ за тѣмъ онъ посланъ былъ въ Бухару. Истинная цѣль его посольства до сихъ поръ неизвѣстна.

Неменѣ загадоченъ и самый характеръ этого солдата дипломата, обреченнаго такой трагической смерти. Другъ его, капитанъ Гроверъ, представляетъ его человѣкомъ смѣлымъ и рѣшительнымъ, но неумѣющимъ владѣть собою, повинующимся *слѣпымъ побужденіямъ*, и вообще неспособнымъ къ дипломатическимъ порученіямъ. Однакожъ, мы видимъ, что ему даютъ чрезвычайно щекотливыя порученія, и онъ исполняетъ ихъ искусно. Какъ согласить эти противорѣчія? можноли повѣрить, чтобы человѣку неосторожному, заносчивому, поручено было просить Шаха о снятіи осады Герата? Какъ бы то ни было, начало ссоры, которая навлекла на Стоддарта гнѣвъ эмира, относится къ первому ихъ свиданію. Вотъ какъ это рассказываетъ Гроверъ.

„Возвращаясь изъ *большой мечети*, эмиръ проходилъ черезъ общій дворъ и увидаль полковника Стоддарта, который, не сходя съ лошади, привѣтствовалъ его по военному. Эмиръ посмотрѣлъ на него пристально нѣсколько секундъ, и пошелъ далѣе, не сказавъ ни слова. Прійдя во дворецъ, эмиръ послалъ одного изъ сво-

ихъ макрамовъ (камергеръ) спросить у полковника, по чему онъ не сошелъ съ лошади. Стодартъ отвѣчалъ, что таковъ обычай въ Англіи, и что потому онъ рѣшился поступить также и здѣсь. Нѣсколько минутъ спустя другой посланецъ объявилъ, что Эмиръ доволенъ объясненіемъ Стодарта и приглашаетъ его тотчасъ же во дворецъ. Тогда ввели его въ корридоръ, сообщавшійся съ дворомъ, на которомъ Эмиръ принимаетъ прошенія; дворъ этотъ называется Арезанахъ. Здѣсь, явился къ нему мокрамъ, и спросилъ, желаетъ ли онъ, что бы его рабскія моленія были переданы Эмиру. Полковникъ, оскорбившійся сими выраженіями, отвѣчалъ, что онъ не рабъ, молится только Богу, и скажетъ Эмиру самъ, что надобно. Погодя немного, явился церемоніймейстеръ, чтобы ввести его. Между Узбеками этикетъ требуетъ, чтобы всякій представляющійся, при входѣ въ пріемную залу, стоялъ между двухъ прислужниковъ, которые держатъ его подъ мышки. Этотъ обрядъ хотѣли соблюсти и съ Стодартомъ, который, не зная мѣстныхъ обычаевъ, вообразилъ себѣ, что съ нимъ хотятъ употребить Константинопольскую методу, то есть, съ быстротою привлечь его къ подножію трона и силою распростереть у ногъ Эмира. Не желая подвергнуться такому униженію, онъ сильнымъ движеніемъ освободился отъ своихъ спутниковъ. Подоспѣвшій церемоніймейстеръ сталъ опасаться, не скрывается ли подъ этимъ выраженіемъ непокорности какого либо злаго намѣренія противу Эмира, и счелъ обязанностію посмотреть, нѣтъ ли у полковника скрытаго оружія. Неумѣстная ревность его была награждена полновѣсною пощечиною, отъ которой онъ растянулся у ногъ полковника, и Стодартъ вошелъ во покой Эмира одинъ.

Эта пощечина, впрочемъ, очень сомнительна. Абдуль Салеуть-Ханъ, наибъ Эмира, бывшій при этомъ происшествіи, говоритъ, что полковникъ обнажилъ шпагу, но молчитъ о пощечинѣ, данной церемоніймейстеру. Нельзя впрочемъ не согласиться, что, принявъ это послед-

нее объясненіе, трудно понять зачѣмъ искали скрытаго оружія у человѣка явно вооруженнаго?

Вслѣдствіе этого столь неудачно начавшагося свиданія, Стоддартъ былъ схваченъ прислугою Эмира, брошенъ въ тюрьму, подвергнулся всѣмъ родамъ мученій физическихъ и нравственныхъ. Потомъ его перевели въ домъ миръ-шуба (начальника полиціи) и здѣсь-то, подъ ножемъ палача, онъ долженъ былъ принять исламизмъ. Жидъ, привезшій ему депеши, былъ тоже, послѣ ласковаго приѣма, схваченъ и заключенъ; его также заставили публично принять исламизмъ, послѣ чего тотчасъ же обезглавили, вѣроятно для того, чтобы отнять у него возможность снова отречься отъ вѣры.

Послѣ долгихъ лишеній, опасеній за жизнь, болѣзни, голода, тяжкаго заключенія, Стоддартъ былъ наконецъ освобожденъ. Ему позволили списаться съ правительствомъ и капитаномъ Конолли, бывшимъ въ то время въ Кокандѣ, и собиравшимся выѣхать въ Кабуль.

Эмиръ приглашалъ Конолли ѣхать черезъ Бухару. Сиръ Вильямъ Макналтенъ считалъ поѣздку въ Бухару весьма полезною, если впрочемъ, онъ полагаетъ найти тамъ ласковый приѣмъ, и потому Конолли легко допустилъ уговорить себя. Его приняли отлично, отвели особый домъ, и даже Эмиръ назначилъ ему ежедневное денежное содержаніе. 10 Ноября 1841 года Стоддартъ переѣхалъ на житье къ Конолли. Нѣсколько дней спустя пришло извѣстіе, что Кабуль взбунтовался. Александръ Борнесь убитъ вмѣстѣ со многими другими Англичанами, и англійское вліяніе въ Афганистанъ уничтожено. Слухъ этотъ, принятый сначала недовѣрчиво, съ каждымъ днемъ получалъ новую степень достовѣрности. Считая тогда англичанъ потерявшими возможность найти себѣ въ комъ либо защиту, Эмиръ снова принялъ противу нихъ свирѣпыя мѣры: 19 Ноября ихъ опять заключили въ тюрьму. Въ то же время были задержаны служители ихъ и посланные Шаха - Суджи; имущество ихъ было разграблено. Послѣднія свѣдѣнія, которыя англійскимъ офицерамъ

удалось доставить о себѣ, относятся къ 11 Апрѣля 1842. Множество свидѣтельствъ заставляетъ полагать, что они два мѣсяца спустя были казнены по приказанію Эмира.

Первое извѣстіе объ этомъ печальномъ происшествіи доставилъ Гератскій житель, пріѣхавшій въ Бухару, къ капитану Конолли, и вмѣстѣ съ нимъ заключенный въ тюрьму. Аконзиде-Салекъ-Могаметъ заслуживаетъ полную довѣренность. Онъ часто былъ употребляемъ капитаномъ Конолли въ дѣлахъ, требовавшихъ честности и отважности, и всегда показывалъ почти безпредѣльную преданность. Въ то время, когда онъ сообщилъ извѣстіе о смерти Стоддарта и Конолли (23 Ноября 1842), онъ находился еще въ Бухарѣ и только что былъ выпущенъ на волю. Его показаніе ни въ какомъ отношеніи не подлежитъ сомнѣнію. И для чего бы ему искажать истину? Онъ самъ пострадалъ за преданность къ Англичанамъ, былъ мучимъ, раззоренъ; онъ могъ жаловаться на это, требовать вознагражденія и слѣдовательно ложь только бы повредила ему. Правда, Салекъ Могамедъ не присутствовалъ при казни, но онъ видѣлъ могилу несчастныхъ, и извѣстіе о смерти Стоддарта и Конолли сообщилъ ему палачъ, предлагавшій также и головы ихъ; кажется, чего бы болѣе? За всѣмъ тѣмъ нашлись люди недовѣрчивые, между ними Капитанъ Гроверъ, сомнѣвался всѣхъ болѣе, и вотъ по какому случаю.

Во время пребыванія Гровера во французскихъ африканскихъ владѣніяхъ, нѣкоторые офицеры, и между ними одинъ старый генералъ, котораго онъ не называетъ по имени, сказывали ему, что многія англійскіе агенты въ средней Азіи погублены съ вѣдома Англійскаго правительства. Сперва Гроверъ не хотѣлъ вѣрить этимъ намекамъ, внушаемымъ, какъ онъ полагалъ, недоброжелательностію французовъ къ англичанамъ; но слыша тѣже слова и въ другихъ государствахъ, онъ убѣдился, что Стоддартъ и Конолли принесены въ жертву на таинственномъ жертвенникѣ дипломатіи; по этому, не смотря на официальное объявленіе о ихъ смерти, онъ полагалъ, что они еще живы.

Въ это время Вольфъ предложилъ семейству несчастнаго Конолли освободить плѣнниковъ, если извѣстіе о ихъ смерти невѣрно. Гроверъ, узнавшій о томъ изъ журналовъ, досталъ необходимый на столь дальнее путешествіе капиталъ, и, 14 Октября 1843 года, Вольфъ оставилъ Англію. Правительство не захотѣло оказать ему даже малѣйшей помощи.

Въ Константинополь Страффордъ Каннингъ и въ особенности его супруга, приняли Вольфа ласково. По просьбѣ посланника, Султанъ написалъ собственноручное письмо къ Эмиру; тоже сдѣлалъ Шейкъ Исламъ, глава магометанскаго духовенства въ Константинополь, а русское посольство доставило ему охранные листы. Докторъ Вольфъ былъ перевезенъ безденежно на Англійскомъ пароходѣ до Трапезонта; издержки за проѣздъ отъ Трапезонта до Ерзерума были также заплачены, а Ерзерумскій паша принялъ на себя путешествіе его до границъ Персіи.

Пускаясь въ это странствіе, Вольфъ написалъ воззваніе ко всемъ магометанскимъ народамъ, которое съ нарочными - Магометанами было разслано въ Афганистанъ, Кабуль, Кашемиръ и Бухару. Оно состояло въ слѣдующемъ:

Послѣдователи Ислама!

„Во всей Турецкой имперіи, въ Аравіи и Афганистанѣ помнятъ меня. Я былъ между вами въ Дамаскѣ, Египтѣ, Алепѣ, Багдадѣ, Испаганѣ, Бухарѣ, Кабулѣ и Индустанѣ. Я бесѣдовалъ о пришествіи въ міръ Іисуса Христа съ магометанами, жидами, персами, индійцами. Не раздвѣляя вовсе ихъ религіозныхъ вѣрованій, я былъ однакожь благосклонно принятъ въ Дели Великимъ Моголомъ, въ Персіи Шахомъ и великими моллами въ Багдадѣ, Константинополь, Испагани, Кашемиръ и Бухарѣ. Я ѣздилъ до предѣловъ вселенной; былъ въ Америкѣ, лежащей по ту сторону моря, всюду призывая людей во имя Іисуса Христа къ покаянію и добрымъ дѣламъ“

Нынѣ узнавъ, что два офицера высокихъ качествъ, полковникъ Стоддартъ и капитанъ Конолли, казнены по приказанію эмира, вмѣстѣ съ однимъ неаполитанскимъ офицеромъ, кавалеромъ Населли, я намѣренъ удостовѣриться въ самой великой Бухарѣ въ справедливости этого извѣстія. Я не вѣрю ему, потому что былъ принятъ тамъ съ радушіемъ. Кромѣ того, подобное дѣйствіе противно обычаю гостепріимства, священному для магометанъ. По этому, я отправляюсь для испрошенія свободы симъ лицамъ, если они еще живы, или, если они погибли, для узнанія причинъ ихъ смерти.

Константинопольскій султанъ (да сохранитъ Господь его жизнь) и Шейхъ-Исламъ — да спасетъ Богъ его дни — дали мнѣ письма къ Бухарскому Эмиру и великимъ мулламъ того города. Теперь я обращаюсь ко всемъ магометанскимъ государямъ и ко всемъ мулламъ съ просьбою, что бы и они то же дали мнѣ письма къ Бухарскому эмиру и обезпечили мнѣ тѣмъ благосклонный пріемъ.“ — *Иосифъ Вольфъ.*

Въ Тегеранѣ Вольфъ получилъ письма къ Бухарскому эмиру отъ шаха и отъ Гаджи-Мурзъ-Аги, перваго его министра. Въ Мешидѣ онъ встрѣтилъ Аkozаде-Салехъ-Магомета, на свидѣтельство котораго Англійское правительство основалось при официальномъ обнародованіи смерти Стоддарта и Конолли. Послѣ самаго подробнаго распроса, Вольфъ остался при прежнихъ сомнѣніяхъ. Во время своего пребыванія въ Мешидѣ Вольфъ узналъ также о нѣкоторыхъ измѣнахъ, послужившихъ къ погубленію Стоддарта. У него былъ агентъ, Магометъ-али-Серафъ; въ рукахъ его оставалось много вещей принадлежавшихъ Стоддарту, въ коихъ онъ никому не далъ отчета. Кромѣ того этотъ человекъ удержалъ у себя письмо Константинопольскаго султана къ эмиру Бухарскому. Письма отъ Моисея Монтефіора къ Бухарскимъ жидамъ, посланныя мистриссъ Макнагтенъ и миссъ Стоддартъ, были отправлены имъ по назначенію только за мѣсяць до пріѣзда Вольфа. Понятно,

что еслибы Магомедъ-али-Серафъ показали болѣе усердія и вѣрности въ передачу ихъ, положеніе плѣнниковъ было бы не столь опасно.

Собранныя въ Мешидѣ свѣдѣнія были впрочемъ весьма благоприятны. Вольфъ узналъ, что Курбанъ-бекъ, начальникъ каравановъ, жившій всего въ 12 дней ѣзды отъ Бухары, увѣрилъ, будто Англійскіе офицеры еще живы, и содержатся внѣ города, въ Калай-Какули. Начальникъ Туркомановъ показывалъ Вольфу письмо писанное изъ Бухары, изъ котораго было видно, что Стодартъ не былъ казнень. Всѣ эти свѣдѣнія заставили Вольфа ускорить путешествіе.

Могамедъ-Али-Серафъ всячески старался отговорить его. Послѣ тысячи довольно ловкихъ намѣковъ онъ наконецъ привелъ къ нему Гаджи-Ибрагима, брата начальника артиллеріи эмира Бухарскаго. Гаджи-Ибрагимъ началъ съ того, что спросилъ, есть ли у Вольфа письма отъ Англійской королевы къ эмиру. Получивъ отвѣтъ, что у него есть письма султана Константинопольскаго, и Персидскаго шаха, Ибрагимъ отвѣчалъ: всѣ эти письма *лучь* (никуда не годятся), и я тебѣ скажу напередъ, что съ тобою будетъ по пріѣздѣ въ Джегаръ-Джу. Тебѣ заключать въ тѣсную комнату, отобравъ напередъ всѣ деньги, и пошлешь къ эмиру извѣстіе о твоёмъ заключеніи. Получивъ отвѣтъ, тебѣ завяжутъ глаза, чтобы ты не могъ видѣть мѣсть, черезъ которая будешь проѣзжать; потомъ отведутъ въ Черную-Башню, и казнятъ безъ всякаго суда.“

Единственное мѣсто на пути изъ Мешиды въ Бухару, гдѣ Вольфъ останавливался, было Моуръ, мѣсто-пробываніе Абд-Уррамана великаго дервиша Хивскаго и Бухарскаго. Этотъ человекъ есть живой законъ дикихъ странъ, посреди которыхъ онъ живетъ; единственная власть, признаваемая кочующими племенами, которымъ Провиднiе отдало эту огромную страну. Если бы его не было, не лзя бы и подумать о переездѣ черезъ пустыни Моура, Сарака и Рафизака. Благодаря почтенію,

которое сохраняютъ къ нему, понятія о правѣ не совсемъ еще здѣсь исчезли. Его величаютъ подобно ханамъ, титуломъ величества (хазратъ) и воздаютъ ему тѣ же почести, что и имъ. Пускаясь на грабежи, Туркоманы приходятъ за его благословеніемъ, и при возвращеніи, даютъ ему десятину отъ добычи. — Подобно другимъ, великій дервишъ увѣрялъ Вольфа, что Стоддартъ живъ еще, и это казалось тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что объ участи Конолли ему ничего не было извѣстно. Австрійскій консулъ Герси говорилъ, будто Стоддартъ командуетъ въ Бухарь артиллеріею эмира, но онъ видимо ошибался: ея начальствовалъ братъ Гаджи-Ибрагима, Абдуль-Самутъ-Ханъ.

Вольфъ покинулъ Моуръ 15 Апрѣля. Недалеко оттуда, въ Кальджъ, онъ былъ задержанъ снѣгомъ, выпавшимъ въ значительномъ количествѣ. Вольфъ проводилъ время въ бесѣдахъ съ Туркоманами и дервишами. Воспоминанія о Тамерланъ и Надиръ-шахъ еще живы среди этихъ племенъ. Надиръ-шахъ первый сдѣлалъ перепись Туркоманамъ. Онъ осыпалъ ихъ золотомъ за военныя службы. — „Такъ должны поступить и англичане, прибавилъ одинъ разскащикъ, если хотятъ завоевать Хиву и Бухару. Мы, Туркоманы, хотимъ только, чтобы насъ хорошо кормили, а до того кто будетъ управлять, намъ мало дѣла. Мы всегда будемъ за того, кто сильнѣе.“

По мѣрѣ приближенія къ Бухарь, умножались непріятныя извѣстія. Погибель англійскихъ офицеровъ не подлежала болѣе сомнѣнію. Вольфъ началъ вѣрить разсказу Гаджи Ибрагима, считавшаго главною причиною смерти Стоддарта и Конолли письмо Лорда Елленборо къ Эмиру, въ которомъ они были названы невинными путешественниками, и сталъ считать жизнь свою въ опасности. Печальнымъ предзнаменованіемъ этой опасности было удаленіе отъ Вольфа лицъ, съ которыми онъ путешествовалъ. Два Туркомана Эмиръ Садоръ и Кассеръ Кули покинули его, а Диль-Ассанъ-Ханъ, Туркоманскій старшина, которому Мешадскій губернаторъ въ

особенности поручилъ охраненіе Вольфа, воспользовался ночью, когда онъ спалъ, и съѣздилъ въ Каракаль, чтобы узнать, чѣмъ можетъ окончиться поѣздка англійскаго миссіонера. Карокольскій начальникъ отвѣчалъ ему, что, по всемъ вѣроятіямъ, Вольфъ поплатится головою. Послѣ такого объявленія, Диль-Ассинъ-Ханъ весьма неохотно продолжалъ путешествіе. На слѣдующемъ почлегѣ узнали впрочемъ, что Эмиръ, увѣдомленный о настоящей цѣли поѣздки Вольфа, приказалъ принять его съ честью. Еще при выѣздѣ изъ Моура онъ одѣлся въ пасторское одѣяніе; въ этомъ нарядѣ въѣхалъ и въ Бохару, вопреки Диль-Ассанъ-Хану, совѣтовавшему явиться въ одѣждѣ нищаго. Въ рукахъ держалъ онъ біблію, которую отъ времени до времени читалъ. Путешественники, прежде отправленія въ назначенную для нихъ квартиру, были отведены ко дворцу Эмира. Дворецъ расположенъ на холмѣ. Серкердаги (вельможи Бухарскіе) опередившіе ихъ нѣсколькими секундами, сошли съ лошадей у воротъ. Народъ, собравшійся вокругъ Вольфа, спрашивалъ его, какую книгу держалъ онъ въ рукахъ. Онъ отвѣчалъ, что это Товратъ-е-Мусса (законы Моисея), Сибуръ-е-Давудъ (псалмы Давида) Андулись-е-Есаю (Евангеліе Иисуса Христа) и пророчества Исаи, Іезекіиля, Іереміи; всѣ эти имена свято чтутся на востокъ.

За тѣмъ предложили ему вопросы о церемоніалѣ, и когда онъ согласился, приняли письма, отнесли къ Эмиру и потомъ немедленно допустили къ аудіенціи. Эмиръ принялъ Вольфа на балконѣ своего дворца. Народъ, стоявшій въ почтительномъ разстояніи, наблюдалъ, какимъ образомъ путешественникъ исполнить требованія этикета. Съ своей стороны Вольфъ зналъ, чего ему можетъ стоить малѣйшее уклоненіе отъ него, и потому безпрестанно кланялся и говорилъ; аллакъ-акбаръ! селамъ алейкомъ! пока Эмиръ, помиравшій со смѣху, трижды не приказалъ ему перестать „что за смѣшной англичанинъ,“ говорилъ онъ, „что за глаза, что за платье, что у него за книга въ рукахъ?“

Эмиръ довольно толстъ, росту около 5 ф. 6 д. Лице у него смуглое, глаза малые, черные; онъ дергаетъ лицомъ. Голосъ не громкій, неясный, и произношеніе чрезвычайно скорое; наружность его показываетъ, что онъ не врагъ хорошаго стола, носитъ онъ обыкновенный костюмъ моллы, безъ малѣйшихъ украшеній. Эмиръ рожденъ отъ персидской рабыни, и Туркоманы говорятъ о немъ: конь и ослица производятъ на свѣтъ мула; узбекъ, жинившійся на персіанкѣ, — чудовище“. Они довершаютъ характеристику, прибавляя, что Эмиръ сосаль грудь людоедки, потому что кормилицей его была казачка. Вольфъ, кажется, смѣшиваетъ уральскихъ казаковъ съ независимою Киргизъ-кайсацкою ордою, а объ этихъ женщинахъ думаетъ, будто онъ, подобно хищнымъ птицамъ питаются трупами, находимыми въ степи.

Въ слѣдъ за аудіенцій былъ сдѣланъ шевкаломъ докладъ Вольфу и спутнику его Диль-Асса-хану. Каково же было удивленіе доктора, когда Туркоманъ сталъ отрицаться отъ всякаго знакомства съ нимъ! Вольфа спрашивали: за чѣмъ онъ пріѣхалъ, отъ правительства посланъ, какъ приняли въ Европѣ смерть Стоддарта и пр.

Эмиръ чрезвычайно любопытенъ. Макрамы его безпрестанно прибѣгали къ доктору съ вопросами подобными слѣдующимъ: Какъ христіанскіе моллы доказываютъ истину своей религіи? Можетъ ли Вольфъ воскрешать мертвыхъ? Просили его также разсказать, какъ путешествуютъ по Персіи, Турціи, Англій. Большаго труда стоило Вольфу дать Эмиру понятіе о желѣзныхъ дорогахъ.

Потомъ спросили доктора, за мужемъ ли королева; Докторъ отвѣчалъ утвердительно, прибавляя, что власть остается въ ея рукахъ Эмиръ былъ чрезвычайно удивленъ этимъ, и докторъ долженъ былъ войти въ подробности престолонаслѣдія въ Англій.

Эмиръ спросилъ имена четырехъ великихъ и двѣнадцати малыхъ визирей Англій. Вольфъ послалъ ему списокъ членовъ настоящаго кабинета. Вскорѣ затѣмъ возвратился Макрамъ, взволнованный, и объявилъ, что Эмиръ открылъ обманъ Вольфа. По словамъ Стоддарта четыре

великіе визири были Лордъ Милбирнъ (Мельбурнъ) Лордъ Джинъ Раусаль (Д. Руссель), Лордъ Мелгривъ (Мюльгравъ), сиръ Джинъ Габгезъ (Д. Гобгоусъ). Вольфъ тотчасъ же приказалъ вести себя къ Эмиру, и для оправданія, старался объяснить ему образъ правленія Англіи. Больше всего помогло однакожь Вольфу то, что онъ называлъ по именамъ всѣхъ членовъ прежняго министерства.

Пользуясь случаемъ, Эмиръ спросилъ доктора: есть ли въ Англіи колдуньи? Для чего Англичане отыскиваютъ старыя моветы? Потомъ спрашивалъ о Даринъ, Чингисъ-Ханъ. Разказавъ важнѣйшія происшествія изъ жизни сего послѣдняго, Вольфъ прибавилъ, что жида считаютъ его своимъ единокордемъ.

Эмиръ спросилъ также, можетъ ли Королева казнить кого ей вздумается. Докторъ отвѣчалъ, что нѣтъ, но что она можетъ простить величайшаго преступника, приговореннаго къ смерти; онъ прибавилъ, что люди, покусившіеся на ея жизнь, были великодушно помилованы ею. Одинъ изъ макрамовъ вмѣшался въ разговоръ; что это за королевство, сказалъ онъ, и что за смѣшной король, который не можетъ свободно казнить, когда ему вздумается.

Надзоръ за Вольфомъ становился день ото дня строже, и жизнь его находилась въ видимой опасности; не смотря на то, онъ не забывалъ своей цѣли и успѣлъ узнать, что письмо Лорда Еленборо, раздражившее какъ полагали Эмира, и ускорившее смерть Стоддарта, не дошло до него. Трудно повѣрить, а между тѣмъ это правда, что не смотря на безчувственность Эмира, его не боялся обманывать: письмо было утаено паибомъ, что-бы дать непріязненный ходъ сношеніямъ Бухары съ Англіею.

Наконецъ пріѣхалъ Персидскій посланникъ Аббасъ-Кули-Ханъ и тотчасъ же потребовалъ свиданія съ миссіонеромъ; не пробылъ онъ съ нимъ и пяти минутъ, какъ паибъ, у котораго Вольфъ жилъ, прислалъ звать доктора къ себѣ, уговаривалъ его остаться по прежнему у него, обѣщалъ защищать его передъ Эмиромъ и даже если бы тотъ покусился на его жизнь, явно воспро-

тивиться его воль. На другой день онъ увѣрялъ Вольфа, будто шахъ и первый его министръ тайно просятъ Эмира казнить его. Этотъ рассказъ такъ сильно перепугалъ Вольфа, что онъ рѣшился бѣжать. Между нимъ и Наибомъ произошла горячая сцена, въ самомъ разгарѣ которой явился Макрамъ и потребовалъ доктора къ Эмиру. Онъ совершенно потерялся, и, считая смерть неизбежною, бросился бѣжать и укрылся въ домъ явара (маюра) эмирскаго. Здѣсь ему разставили новыя сѣти: въ комнату, въ которой онъ находился, вошла женщина безъ покрывала, и съ улыбкою помѣстилась подле него. Набожному миссіонеру нужно было употребить весь гнѣвъ, можетъ быть и притворный, чтобы избѣжать этой грубой западни. Можно впрочемъ думать, что у наибо было въ обычаѣ предлагать за деньги европейскимъ путешественникамъ своихъ невольницъ. Всѣ эти проказы были, кажется, придуманы наибомъ съ цѣлію выманить у Вольфа деньги.

На другой день утромъ явился Макрамъ и звалъ доктора къ Эмиру. Эмиръ принялъ его съ гнѣвомъ, приказалъ ему возвратиться въ прежнее жилище. Такъ какъ въ этомъ же домѣ жилъ и персидскій посланникъ, то Вольфъ весьма охотно исполнилъ приказаніе. Аббасъ-Кули-Ханъ разсыпалъ его опасенія, показавъ ему свои инструкціи.

Вечеромъ того же дня явился Макрамъ и объявилъ Вольфу, что Эмиръ *покараетъ* отъ гнѣва, узнавъ о страхѣ, столь безразсудно выказанномъ Вольфомъ, и предлагаетъ ему на выборъ, или тотчасъ же покинуть Бухару безъ почестей, или выѣхать съ знаками уваженія и милости; въ послѣднемъ случаѣ Эмиръ обѣщаль по возвращеніи изъ Самарканда, дать ему почетный кафтанъ и отправить съ нимъ посланника къ Королеву. Вольфъ отдалъ все это на произволь Эмира. Нѣсколько дней спустя Эмиръ отправился для завоеванія Ташкенда и Коканда, но не сдѣлалъ распоряженій относительно Вольфа. Абдуль-Сашутъ-Ханъ разглашалъ всюду, что докторъ будетъ казненъ. Однажды явился къ нему молла,

предлагавшій на выборъ смерть или отреченіе отъ вѣры; даже палачъ, предупреждая день, въ которой ему должно будетъ исполнить свою страшную должность, навѣстилъ обѣщанную ему жертву. Одинъ только Аббасъ-Кули-Ханъ оставался вѣренъ миссіонеру, но не скрывалъ отъ него, что они оба находятся въ затруднительномъ положеніи. Опасаясь, чтобы наибъ не употребилъ яду, онъ давалъ Вольфу кушанья, приготовленныя своими поварами. (1).

Наконецъ, благодаря настойчивости Аббасъ-Кули-Хана, Эмиръ согласился отпустить Вольфа. При последнемъ свиданіи онъ сказалъ доктору: съ тобою побѣдетъ Абуль-Касемъ, который проводитъ тебя въ Англію. Стодартъ и Конолли возбуждали Кокандъ и Ургенчъ къ войнѣ противу меня, и за то казнены. Ты, Иосифъ Вольфъ, показалъ себя человѣкомъ ученымъ и осторожнымъ, потому то мы обходились съ тобою благосклонно. Вольфъ, хорошо знавшій истинну слова Эмира, отвѣчалъ ему: „Европейцы часто посѣщаютъ другія страны, не зная ихъ обычаевъ и потому невольно могутъ подвергнуться весьма важнымъ ошибкамъ.“

Вольфъ составилъ списокъ жертвъ, погибшихъ по наученію Абдуль-Самутъ - Хана или въ слѣдствіе его интригъ. Кромъ Туркоманца, посланнаго изъ Мерви въ Бухару для облегченія Стодарту побѣга, и Мешидскаго жида, привезшаго письмо Конолли, погибли: грекъ изъ Сціо (Юсуфъ-Ханъ), Итальянскій путешественникъ (кавалеръ Жесли), какой-то неизвѣстный англичанинъ, называвшій себя Гатта, капитанъ Нибуръ, еще пять англичанъ и наконецъ Стодартъ и Конолли. Всего тринадцать человѣкъ.

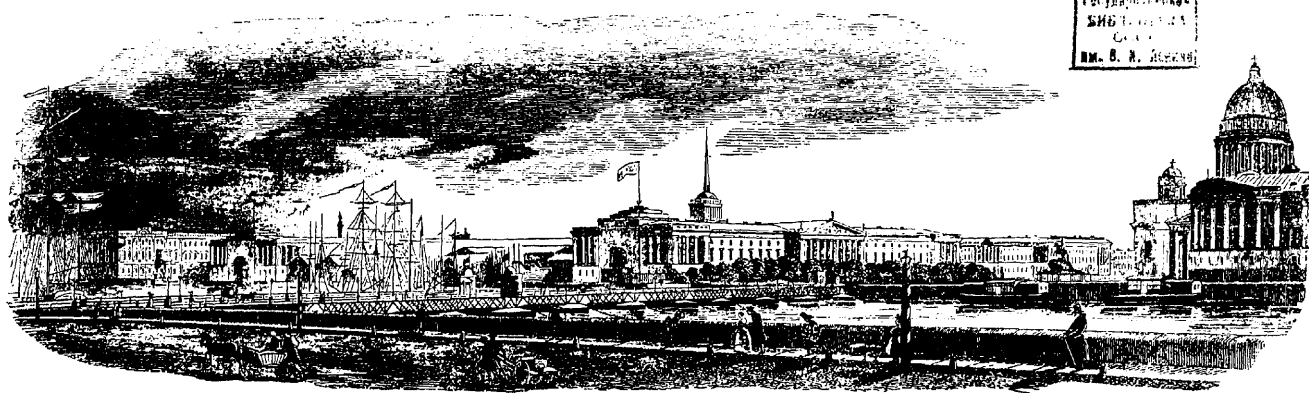
(1) Къ этому времени относятся и два письма, написанныя Вольфомъ изъ Бухары, одно ко всѣмъ европейскимъ державамъ, въ которомъ онъ указывалъ на плачевное положеніе двухъ сотъ тысячъ персидскихъ плѣнниковъ, разбѣянныхъ по Бухарѣ, другое къ своему семейству. Оба были отправлены не запечатанными, и въ такомъ видѣ прошли черезъ Бухару, Хорасанъ, Персію и Турцію.

ИЛЛЮСТРАЦІЯ,

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ ВСЕГО ПОЛЕЗНАГО И ИЗЯЩНАГО.

Государственное
Синдическое
Судно
Им. В. А. Астахова

Съ доставкою На годъ 11 р. 45 к. сер.
и пересылкою : На 5 мѣсяца 5 р. 25 к. сер.

Т. I. № 18. — Суббота, 4 Августа 1845.

Безъ доставки На годъ 10 р. сер.
и пересылки : На 5 мѣсяца 5 р сер

ЕЖЕНЕДѢЛЬНИКЪ.

Фултъонъ, изобрѣтатель паровъ. — Перепечатки. — Извѣстія изъ Симферополя. — Песенное плаваніе по Азовскому Морю. — Образы для церкви на Аптекарскомъ Острову К. П. Брюллова. — Психологическія замѣтки. — Апекдотъ о Лейбесевѣ. — Описаніе Пулковской Центральной Обсерваторіи. — Почтовое пароходство.

На этомъ прекрасномъ свѣтѣ есть двѣ истины. Одна истина, другая ложь, но ее выдаютъ за истину люди смѣтливые, принимаютъ за истину люди легковѣрные и легкомысленные. Если вы скажете : я ученый человѣкъ, то хотя бы это восклицаніе окружали тысячи шибобъ, обличающихъ не поспѣшность, а дѣйствительное невѣжество, все равно, толпа восклицаетъ : какой онъ ученый человѣкъ! Намъ же дѣла удалось читать статью о просвѣщеніи, торговлѣ, сельскомъ хозяйствѣ, обо всемъ; это былъ какой-то виноградъ разной разности; насъ удивляла и забавляла отъ вага сочинителя, съ какою онъ разсуждалъ о предметахъ, вовсе для него недоступныхъ, на какомъ то русскомъ или белорусскомъ нарѣчій, разсуждалъ, само собою разумѣется, не въ подадь, мѣшая старину забытую, съ новостями, о которыхъ зналъ по наслышкѣ. Со смѣхомъ мы бросали этотъ виноградъ и за него съ жадностію схватились кочующій любитель чтенія. Намъ стало любопытно, что выйдетъ изъ этого чтенія. Не ужели на лицѣ этого чтеца (потому что читателемъ назвать его не ѣздя, какъ увидите) не блеснетъ искра негодованія, не пробьютъ улыбка презрѣнія... Ничего не бывало. Утецъ прочелъ и задумался. Подумалъ и передала виноградъ другому, сказалъ : Прочти любезный! Экая ученость огромная! все знаетъ, обо всемъ говорить! Вотъ я ужъ сколько разъ читалъ, что Уатеъ былъ прежде Фултъона, и что пары какъ снакъ, открыты болѣе давно... Поди, что иногда пишуть! А въ пары то, новаго двигателя — открылъ Фултъонъ! а Уатеъ примѣнилъ ихъ къ фабрикамъ! Экая ученость! Обо всемъ говоритъ!..

— И самую сущую правду. Божится и клянется, что пишетъ правду, замѣтливъ другой чтецъ. А что говорить про него, такъ это завистники. Знаешь ли до чего они дошли. Толкують будто ужъ онъ и по латышъ ни аза въ глаза не знаетъ. Въ ученой и многотомной книгѣ онъ напечаталъ, что Prefectus costrensis — значитъ начальникъ евлуховъ.

— Ну, если напечаталъ, такъ и быть ему начальникомъ евлуховъ... Въдъ онъ клянется, что правда. Вотъ теперь тоже можетъ быть скажутъ, что не Фултъонъ изобрѣлъ пары...

— Фултъонъ!

— Фултъонъ, разумѣется. Въдъ про Фултъона и романъ есть!

— Какъ же, и большой романъ; я читалъ...

Скажите, неужели это съ одной стороны не забавно, съ другой не печально. Смѣшно, что тотъ, кто клянется и божится, что пишетъ правду, такъ неосторожно обнаруживаетъ свое незнаніе; печально, грустно, что у насъ можно писать такія небывлицы во всеобщее чтеніе и въ то же время высокопарно разглагольствовать о просвѣщеніи. Положимъ, на людей можно писать что угодно, потому что люди иногда не умышленно соприкасаются интересами. Франція не сердилась даже на записки Видока, но у Видока и клевета облечена вѣроятностію. Тамъ, покрайней мѣрѣ, все похоже на правду...

* * * Отвратимъ взоры отъ этого грустнаго предмета. Величїе литературы унижается подобными явленіями. Простительна ошибка, промахъ, если видишь, что причинющихъ случайная поспѣшность или другой невинный поводъ, но гдѣ замѣчаемъ умышленъ, уловку, которыхъ не узнаніе не дозволяетъ прикрывать благовидно, неполюю ощущаешь какое-то оскорбительное чувство. Кажется, будто авторъ увѣренъ въ ограниченности свѣденій своихъ читателей и шалитъ на ихъ счетъ. — Право бы лучше перепечатывать дѣвныя, хотя и сухія статейки изъ губернскихъ вѣдомостей, чѣмъ писать такія винограды. Изъ этого отношенія бывають забавные случаи. Газеты соперничаютъ въ чемъ бы выдумали? Кто прежде перепечатаетъ чужую статейку! Право, въ этомъ нѣтъ ни заслуги, ни проступка. Дѣтскіе споры. На нихъ смотрѣть не грустно, а жалко.

* * * Положеніе нашей литературы походить на состояніе атмосферы въ Симферополь. Тамъ теперь невыносимо жарко, все высохло. На мельницѣ за перемоль четверги берутъ 2 руб. сер.

* * * Сосѣднія моря сами себя берутъ жертвы. Новороссійскій мѣшанинъ В. Думанскій нанялъ себя въ Аванѣ лодочника съ 4 матросами; барказъ въ 15 аршинъ давною нагружалъ сотней барановъ, сѣномъ, и семействомъ и отправился, въ Новороссійское укрѣпленіе. 21-го іюня захватили ихъ ужасная буря; ночью шквалъ положилъ паруса и мачту на воду; грузъ потонулъ; всю ночь люди провели слѣдъ верхомъ на борту лодки. Къ утру буря усилилась, вѣвы перескакивали черезъ головы несчастныхъ пловцовъ; море добивалось жертвъ. Днесь люда успѣли обрѣзать паруса и ванты; уставить лодку килемъ въизъ, но она была безъ руля, мачты, веселья и полна воды. 22-го іюня мало-

лѣтная дочъ а на другой день и жена Думанскаго, умерли и пушены на воду. Море не довольствовалося этой добычей; буря продолжалась до 25 числа. Пловцы питаются сухарями, случайно уцѣлѣвшими, прихлѣбывали морскую волю; и буря утихла — по въ морѣ невидано было ни одного уцѣлѣвшина, прихлѣбывали морскую волю; замѣтло несчастныхъ, взяло лодку на буксиръ, но не могло взять къ себѣ людей, потому что это подвергло бы его карантину. Въ такомъ бѣдственномъ положеніи оно привезло ихъ въ Керчь уже 28 іюня. Семь страшныхъ дней провели эти несчастные въ буйномъ морѣ.

* * * У насъ за то, на Сѣверѣ, погода совершенно справилась; наступило лѣто знойное, освѣжаемое дождями. Даже въ каменныхъ улицахъ самаго Петербурга воздухъ не такъ гнетелъ; нѣтъ той духоты, которая обыкновенно тяготѣетъ надъ нашей столицей. Мы мало видимъ Петербургъ лѣтомъ; дача разлучаетъ на долго съ зимнимъ городомъ. Мы выразились такъ, потому что многія части Петербурга, хотя и входятъ въ дѣйствительный составъ столицы, но все таки служатъ такъ сказать дачными мѣстамъ, на примѣръ: острова Аптекарскій, Петровскій, Строгановская дача, и другія.

* * * На Аптекарскомъ, въ новопопостроенной церкви, К. П. Брюлловъ оканчиваетъ мѣстные образы. Многие видѣли эти образчики произведенія иссравленной кисти. Византійскій стиль ни мало не повредилъ изяществу сочиненія и исполненія; эти образы можно назвать живыми; въ нихъ превосходная живопись дышетъ разумною высокою мыслию. — Не подумайте, что мы безусловно удивляемся всему тому, что выходитъ изъ подъ руки Карла Павловича. Но что же дѣлать, мы такъ уже созданы, что видимъ, любимъ видѣть одиѣ достоинства тамъ, гдѣ достоинства замѣчаютъ сводимъ блескомъ ничтожныя мелочныя недостатки. Этими недостатками мы жертвуемъ для удовольствія тѣхъ, которые вѣбъсъ Фултъономъ пообрѣтають пары и болро, борзо и безъ дальнѣйшихъ свѣденій въ искусствѣ разсуждаютъ о чемъ бы вы думали: о рисункѣ Брюллова! Право разсуждаютъ!

* * * Чтобы видѣть и чувствовать достоинства какого бы то ни было художественнаго произведенія, требуются нравственные качества, независимо отъ техническихъ и историческихъ свѣденій. Не помнимъ, кто сказалъ, что душа человѣка есть зеркало, на которомъ съ вѣрностію отражаются только однородныя явленія. Если душа чиста — то отражаетъ только чистое, высокое, изящное. Если

Послѣ продолжительнаго, торжественнаго молчанія, прерываемаго всхлипываніями маркизы и шопотомъ Жерве, старшагося обратити на себя вниманіе своего хозяина, Альфонсъ взявъ мать свою за руку, не произнесъ ни слова ввелъ ее въ спальню и съ глубоко умоляющимъ видомъ молча указалъ на молодую дѣвушку.

Ида, съ потупленною головою и накрестъ сложенными на груди руками, стояла на колышкахъ на коврѣ, возлѣ кровати...

Маркиза простояла нѣсколько секундъ въ молчаніи... различныя ощущенія боролась въ душѣ ея... Наконецъ, она тихо ступила два шага... подала руку молодой дѣвушкѣ и произнесла тихимъ голосомъ и какъ бы съ усміемъ:

— Ида... обими меня... дочь моя!...

X.

— Хозяинъ, а хозяинъ! — говорилъ Жерве, дергалъ Бридо за рукавъ, между тѣмъ какъ маркиза осталась одна въ спальнѣ съ молодыми людьми, — хозяинъ, слышали ли вы выстрѣлъ?..

— Какой выстрѣлъ? — спросилъ хозяинъ, забывшій отъ радости объ обстоятельстве, которое за минуту столько испугало всѣхъ.

— Пистолетный, — шепотомъ отвѣчалъ Жерве, — неужто вы не слышали?... А меня такъ, просто, оглушило!..

— Ахъ, да! — сказалъ мелочной торговецъ, — кто выстрѣлилъ?

— Я... то есть не я... а пистолетъ... я развѣ зналъ, что онъ былъ заряженъ?..

— Какой пистолетъ? Гдѣ ты его досталъ?

— Извольте видѣть, собака наша сначала такъ страшно стала лаять, а потомъ вить, что я не могъ никакъ заснуть... я долго вертѣлся съ боку на бокъ и, наконецъ, рѣшился идти посмотреть, что такое дѣлается на дворѣ. Выхожу... темно, страшно. Едва я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, какъ залпулся за что-то... я спотыкнулся и въ то же время раздался страшный выстрѣлъ. Я думалъ, что меня прострѣлили насквозь какіе нибудь разбойники, закричалъ, повалился я минуту пролежалъ какъ мертвый. Наконецъ, я очнулся... очуपालъ себя и вижу... странное дѣло!.. что я живъ; только въ воздухѣ пахло жеенымъ порохомъ. Я протянулъ руку, сталъ шарить по землѣ... вдругъ схватился за что-то холодное... я отдернулъ руку какъ отъ змѣи... Страшно!..

Съ этимъ словомъ Жерве сталъ потихоньку вынимать изъ кармана своего халата пистолетъ. Онъ хотѣлъ продолжать свой рассказъ, но былъ прерванъ маркизой, которая вмѣстѣ съ сыномъ и Идой вошла въ гостиную.

Начипало свѣтать. Слабое сѣроватое отраженіе пролежавшагося горизонта освѣщало комнату...

— Мосе Бридо, — сказала маркиза, ласково протянулъ мелочному торговцу руку, — вотъ дѣти мои... Они будутъ счастливы... Довольны ли вы мною?

Бридо не сказалъ ни слова, но съ жаромъ схватилъ руку маркизы и прижалъ ее къ губамъ своимъ.

— Вишь злая-то маркиза сегодня какая добренькая!.. проговорилъ Жерве.

— Но, Мосе Бридо, вы не сказали мнѣ имени матери Иды?.. спросила тихимъ голосомъ маркиза.

— Это моя тайна, — отвѣчалъ Бридо, вздохнувши.

— Я сейчасъ видѣла портретъ ея, — продолжала маркиза тихимъ голосомъ и пожавъ руку Бридо.

Отъ молча и съ грустію опустилъ голову...

II. Фурманъ.

МАТЕРІАЛЪ ДЛЯ ИСТОРИИ РУССКОЙ.

Когда шайки пугачевской сволочи буйствовали въ губерціяхъ: Сибирской и Саратовской, то многіе изъ обывателей бѣжали въ Астрахань, спасая жизнь и часть увезеннаго или поущаемаго. Ужасъ воцарился и въ этомъ удаленномъ, окруженномъ неизбѣрными стенами городѣ. Въ это время управлялъ астраханскою и саратовскою церковію преосвященный Меодій, архипастырь, уважасмой Государынею и народомъ. Слыша и видя смуту народную, Святитель облачился въ ризы, вышелъ на площадь и проклиналъ измѣнниковъ, убиралъ бушную, поколебавшую отъ нелѣпныхъ толковъ чернь, что Пугачевъ есть Донской Казакъ Емелька, что онъ не увидитъ не только Астрахани, но и Чернаго Яра; да будетъ проклятъ онъ, сообщники его и всѣ дѣла его! — Сбылось предсказаніе архипастыря: Пугачевъ вскорѣ разбитъ на голову, выше Чернаго Яра, въ 70 верстахъ. Преосвященный не зналъ еще этого; на другой день, послѣ разгрома толпы самозванца, архипастырь поутру велѣлъ торжественно колокольнымъ звономъ возвеститъ народу, что мятежники разбиты, и, по совершеніи благодарственнаго месалба, дѣльный день производить колокольный звонъ во всѣхъ церквахъ города. Войска преслѣдовали стоглавою гидру: каваретовъ схватили; сообщниковъ, бѣжавшихъ, искали и розыскали, взяли подъ стражу и скоро участь ихъ была рѣшена. Въ числѣ этихъ людей, увѣщенныхъ бѣдственною кривою, къ сожалѣнію, нашлось много духовныхъ — изъ губерцій: Казанской, Нижегородской, Пензенской, Саратовской и частию Тамбовской, почти со всего пространства, гдѣ буйствовала сволочь разбойника. Императрица отдала ихъ на судъ преосвященному Меодію, сказавъ: *ка чему онъ ихъ присоединитъ, такъ тому и быть.* 1775 году, въ мѣѣ мѣсяцѣ, привезли въ Астрахань, по Волгѣ, подслѣдяхъ. Въ опредѣленный день, во 2 часу по полудни, ихъ вывели изъ темницъ, истомленныхъ неволюю и обремененныхъ оковами, и при погребальномъ звонѣ колоколовъ, подъ прикрытіемъ стражи, привели ихъ къ собору, гдѣ собралось все астраханское духовенство. Жители всѣхъ сословій текли на это повораніе, еще имъ неизвѣстное. Преосвященный вышелъ изъ кельи въ облаченіи, съ посохомъ, пошелъ къ собору, и ставши на раскатѣ, велѣлъ несчастнымъ приближаться къ нему: окнувъ ихъ взоромъ, онъ горько прослезился и нѣсколько минутъ плакалъ; наконецъ сказалъ: Богъ и Всемогущійшійша Госу-

дарыня васъ прощаютъ, и я, по данной мнѣ отъ Ней власти, прощаю васъ и разрываю. — Потомъ преосвященный велѣлъ снять съ нихъ оковы, и, ошивъ ихъ благословеніемъ, велѣлъ имъ идти за собою въ соборъ, гдѣ было принесено благодарственное моленіе о здравіи Государыни, и звонъ во всѣхъ церквахъ продолжался цѣлый часъ. Наконецъ, они освобождены изъ подъ стражи, выданы виды, съ коими они возвратились въ мѣста своего жительства, съ пособіемъ и отеческими наставленіями, воспоминаю милосердіе Государыни и раскаяваясь въ своихъ заблужденіяхъ.

Эти люди не были упорные преступники и враги Престола и Отечества; это была толпа людей грубыхъ, омраченныхъ невѣжествомъ, безъ умысла измѣнщиковъ своему долгу, однихъ страхомъ и силою увлеченныхъ въ вихрь крамолы, и потому болѣе жалкихъ, нежели достойныхъ кары. Они не участвовали въ разбояхъ. Потому Екатерина II-я, какъ милосердая мать народа, даровала имъ прощеніе.

МИССИОНЕРЪ ЮСІФЪ ВОЛЬФЪ

И ПЛѢВНЫЕ АНГЛИЧАНЕ ВЪ БУХАРІИ.

Подвигъ, сопряженный съ невыразимыми трудностями, даже съ опасностію жизни, и исполненный съ самоотверженіемъ и неустрашимостью, вносящій заслуживаетъ удивленія; если же притомъ побудительной причиною этого подвига было самое безкорыстное и благородное чувство благодарности, то, кромѣ удивленія, онъ заслуживаетъ еще участія и уваженія.

Къ такимъ подвигамъ принадлежитъ путешествіе въ Бухарію, предпринятое въ 1843 году миссіонеромъ Вольфомъ, для освобожденія духъ въ плѣну и заточеніи находившихся офицеровъ, полковника Стоддарта и капитана Конолла.

Въ 1838 году лордъ Пальмерстонъ приказалъ англійскому посланнику при персидскомъ дворѣ, полковнику Шилу, выбрать между подчиненными ему чиновниками, человека неустрашимого и способнаго во всѣхъ отношеніяхъ, и немедленно отправить его въ Бухарію. Выборъ палъ на полковника Стоддарта, который вскорѣ и появился при дворѣ Эмира — для какой цѣли? неизвѣстно. Но какая бы она ни была, лорду Пальмерстону удалось ввести ко двору сильнѣйшаго изъ всѣхъ великихъ правителей Средней Азій, двухъ посланниковъ, полномочныхъ дѣйствовать въ пользу своей отчизны.

Мы уже коротко знакомы съ Стоддартомъ изъ «Странствователя по сушѣ и морямъ» нашего сѣлаго путешественника.

Положеніе полковника Стоддарта и капитана Конолла при дворѣ бухарскаго эмира являлось съ обстоятельствомъ; онъ находилъсь, то въ величайшей милости у эмира Насръ-Уллы, который совѣтовался съ нимъ во всѣхъ своихъ дѣлахъ, то въ величайшей немилости, и тогда заключали ихъ въ мрачную, сырую темницу, гдѣ они почти умирали съ голоду. Обстоятельства ихъ зависѣли отъ успѣховъ англійскаго оружія на берегахъ Индуса и въ Афганистанѣ; Эмиръ лѣстилъ англійскимъ агентамъ или терзалъ ихъ, смотря по ихъ рѣшаренія или уменьшенія англійской власти.

У полковника Стоддарта и капитана Конолла были между тѣмъ въ Англій родственники и друзья, забитыише объ нихъ. Короткій другъ перваго, капитанъ Гроверъ, безпокоясь объ участи Стоддарта, рѣшился освободить его. Въ 1843 году онъ представилъ министру внѣшнихъ дѣлъ, лорду Эбердину, прошеніе, отправиться въ Бухарію въ качествѣ англійскаго посла и требовать у эмира освобожденія товарищей. Онъ подучилъ отъ себя, въ которомъ министръ отвѣчалъ ему, что онъ навъ прасно безпокоится объ участи двухъ офицеровъ, которые, вѣроятно, давно уже погибли.

Около того же времени, явился въ іюнѣ 1843 года, докторъ богословенъ Юсифъ Вольфъ, съ предложеніемъ ѣхать въ Бухарію къ эмиру, котораго лично зналъ, лишь бы ему доставили средство доѣхать туда; онъ ругался въ томъ, что говорить эмира освободить плѣвныхъ пословъ,

не смотря на то, что въ то время Ковалевскій уже положительно объявлялъ о казни Стодларта и Конолли, что было известно Вольфу и друзьямъ казенныхъ; по мысли, надежда, за которую объявляется человекъ до послѣдней крайности, надежда, что, Ковалевскій могъ быть обманутъ ложными свѣдѣніями, заставилъ Вольфа выдаться на свой благородный подвѣгъ, а друзей Стодларта и Конолли принять этотъ вызовъ.

Вольфъ родился въ концѣ прошлаго столѣтія; родители его были еврейскаго происхожденія. Ребенкомъ онъ прибылъ въ Англію, принявъ христіанскую вѣру и въ Оксфордскомъ университетѣ кончилъ курсъ богословія. Занимая место наставника въ Йоркширѣ, онъ ревностно изучалъ восточные языки, и приготовившись достаточнымъ образомъ, предпринялъ и исполнилъ отъ 1825 — 1832 года путешествіе на Востокъ, въ Спрію, Курдистанъ, Персію, Бухарію. Желая распространить свѣтъ христіанскаго религія между полудикими, варварскими племенами Средней Азіи, онъ былъ взятъ въ плѣнъ и томился въ самой жестокой и ужасной неволѣ, когда случайно встрѣтивъ капитана Конолла, былъ освобожденъ имъ.

Миссіонеръ не забылъ оказаннаго ему благоволенія. Узнавъ объ несчастной участи капитана, онъ рѣшился всѣмъ пожертвовать и употребить все усилія, чтобы спасти его.

Капитанъ Гроверъ немедленно доставилъ неустрашимому миссіонеру 500 фунтовъ стерлинговъ своихъ собственныхъ денегъ; но благодарное, великодушное намѣреніе доктора нашло отголосокъ въ сердцахъ Англичанъ, и векорно подписанъ, собрана была сумма, необходимая Вольфу для приведенія въ исполненіе своего намѣренія; капитану же Гроверу была возвращена большая, доставленная имъ сумма, изъ которой была оставлена только небольшая часть, равная приношеніямъ другихъ особъ, принявшихъ живое участіе въ этомъ человеколюбивомъ дѣлѣ.

Въ июль сумма была собрана, но приготовленія къ отъѣзду продолжались до середины октября.

Наконецъ, 14-го октября 1845 года, миссіонеръ Вольфъ съѣзъ въ Сосемтонѣ на корабль «Иберія»; 20-го числа онъ былъ въ Гибралтарѣ, 26-го въ Мадридѣ, 29-го въ Аоннахъ, гдѣ онъ имѣлъ аудіенцію у греческаго короля, и отдохнувъ тамъ нѣсколько дней, отправился далее чрезъ Константинополь къ Трапезонду, у сѣвернаго берега Малой Азіи, куда онъ прибылъ въ началѣ декабря; услужливостію европейскихъ консуловъ, ему тотчасъ же доставлены были средства продолжать дорогу сухимъ путемъ до Бухары. Только отсюда начинается любопытная занимательность путешествія Вольфа. Изъ Трапезонда онъ отправился сперва въ Ерзерумъ, откуда отъ 12-го декабря писалъ слѣдующее:

«Такъ какъ у меня было письмо отъ господина Герца, австрійскаго и русскаго консула въ Трапезондѣ, къ богатому армянину, Аракелъ-Чибукчи-Оглу, — сынъ трудолюбива мистера, — то я остановился у него на квартирѣ и встрѣтился тамъ съ армянскимъ архіепископомъ, весьма образованнымъ человекомъ, который сказалъ мнѣ, что хочешь случаю познакомиться съ мистеромъ Вольфомъ, о которомъ слышалъ такъ много хорошаго. Въ Ерзерумѣ 200 Армянъ, 200 мусульманъ, 400 Грековъ и 8 Армянъ-католиковъ. У Армянъ одна, а у Грековъ четыре церкви. Архіепископъ Гумуцхаскскій имѣетъ въ мѣстѣ званіе Трапезондскаго архіепископа, и ежегодный доходъ его простирается только до 80 долларовъ (около 120 руб. серб.). Изъ Гумуцхаски я выѣхалъ въ понедѣльникъ, 4-го декабря и переправившись черезъ рѣку, входящуюя пердъ городомъ, поѣхалъ къ востоку по долинѣ, окруженной высокими горами и скалами. Мѣстоположеніе было прекрасное. Мы провели ночь въ жалкой лачужкѣ, а на другой день, около полудня, прибыли въ деревню Балагоръ, гдѣ я былъ радуюсь принять въ врачюмъ жилищѣ, съ круглой крышей, одного армянина, къ которому у меня было письмо отъ гумуцхаскаго архіепископа; 6-го декабря мы прибыли въ Байбутъ, окруженный высокими, голыми скалами; быстрая рѣка течетъ близъ города, населеннаго 400 мусульманами, 100 армянами и имѣетъ шесть

мечетей и одну церковь. Тутъ есть карантинъ, въ которомъ на девять дней задерживаютъ турокъ и вообще всѣхъ путешественниковъ, прибѣгающихъ изъ Турціи. Начальникомъ этого заведенія итальянскій врачъ, Лунджи Эрколани.

«7-го декабря. Сегодня мы прибыли въ селеніе Кобъ, гдѣ и должень былъ нанять двухъ людей, которые перенесли меня черезъ скалы покрытыя снѣгомъ. Семь часовъ спустя мы прибыли въ деревню Ашкалахъ, гдѣ надо было перебраться черезъ западную Евфратъ, называемый по турецки Кара-Су — черная вода. Въ Ашкалахѣ встрѣтилъ двухъ дѣрвишей изъ Бухары, которые рассказали мнѣ, что англійскіе офицеры еще живы и обучаютъ войска эмира европейскому военному артикулу.»

Сильный снѣжный вихрь и дурная погода зачедали выѣздъ Вольфа изъ Ерзерума, куда онъ прибылъ 16-го декабря. Проживъ десять дней, занасавшись теплой одеждой и обувью, и получивъ отъ ерзерумскаго пашы 1080, а отъ неизвестнаго 500 піастровъ дополнительныхъ денегъ изъ суммъ, собранной въ Англіи для путешествія его, Вольфъ смѣло направился чрезъ снѣжныя равнины къ Мула-Солейману, куда онъ прибылъ 1-го января 1844 года, нѣсколько разъ подвергаясь опасности быть разграбленнымъ кочующими Курдами. Наконецъ, 15-го января, онъ счастливо прибылъ въ Тавризъ и остановился у англійскаго генеральнаго консула. Проживавшій въ Тавризѣ персидскій принцъ Баманъ-Мирза, пожелавъ видѣть миссіонера, принялъ живое участіе въ его предпріятіи, доставилъ ему средства къ безопасному проѣзду въ Тегеранъ и далъ рекомендацїи письма ко многимъ персидскимъ вельможамъ въ Тегеранъ и Мешидъ; такъ что 20-го января Вольфъ предпринялъ путешествіе въ Тегеранъ при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ; 11 дней спустя, прибылъ онъ въ столицу Персіи. Великобританскій посланникъ при персидскомъ дворѣ, полковникъ Шилль, прекрасно принялъ миссіонера и выходилъ ему аудіенцію у шаха, который принял его ласково и долго бесѣдовалъ съ нимъ.

Въ полной увѣренности, что англійскіе офицеры были еще живы, хотя и томимы въ заключеніи, докторъ Вольфъ съ пріятными надеждами отправился въ началѣ марта въ Бухарію, снабженный строгимъ наказомъ персидскаго шаха къ бухарскому эмиру немедленно освободить плѣнныхъ. Онъ счастливо достигъ Мешидъ, пограничнаго персидскаго города, гдѣ встрѣтилъ агента полковника Стодларта, которому послѣдній повторилъ множество шалей и другихъ драгоценныхъ вещей, на сумму 2000 фунтовъ стерлинговъ, и который, но легко-вѣрными причинами, клясася божица, что полковникъ Стодлартъ и товарищи его, давно уже лишены жизни. Не смотря на то, миссіонеръ съ большою поспѣшностью отправился къ своимъ плѣнъ, хотя со дня на день, и чѣмъ болѣе приближался къ Бухарѣ, терялъ надежду застать несчастныхъ соотечественниковъ въ живыхъ. Но въ конномъ гурмановѣ перешель онъ счастливо черезъ степь, и наконецъ, 25-го апрѣля прибылъ въ Бухару. Тамъ онъ узналъ утвердительно о смерти англійскихъ офицеровъ и написалъ въ началѣ мая къ капитану Гроверу письмо слѣдующаго содержанія:

«Я пишу это письмо въ домѣ Наибъ-Заметъ-Хана, начальника артиллеріи его высочества бухарскаго эмира, сѣвернаго и благороднаго друга всѣхъ Англичанъ — и въ присутствіи Махрама — перваго камергера двора е. в. эмира; и пишу по официальному повелѣнію эмира, которому долженъ предъявить переводъ моего письма, слѣдовательно ограничиваясь описаніемъ важнѣйшихъ обстоятельствъ, безъ всякихъ разсужденій и замѣчаній. 29-го апрѣля эмиръ даалъ мнѣ знати, чрезъ вышеупомянутаго уже Наюба и въ присутствіи муллы Казема и Махрама, что въ мѣсяцъ *Sarratamъ года 1259* — (Юль 1842 года) — онъ приказалъ казнить полковника Стодларта и капитана Конолла. Перваго за то, что, во 1-хъ) онъ во многихъ случаяхъ дерзко обходился съ е. в. эмиромъ; во 2-хъ) онъ принималъ мусульманскую вѣру и потомъ опять перешель въ христіанскую; въ 3-хъ) онъ обѣщавъ доставить черезъ четыре

мѣсяца письма изъ Англіи, въ которыхъ его признаютъ великобританскимъ посломъ; четыре мѣсяца прошло, писемъ не было, хотя эмиръ нарочно для полковника устроилъ почту. Что же касается до Конолла, то онъ былъ казненъ за то, что возмущалъ противу бухарскаго эмира, Хивинцевъ и Кокандцев; (*) Е. В. позволилъ мнѣ оставить Бухару 9-го мая. Изъ Мешиды я доставляю вамъ подробнѣйшія свѣдѣнія.

Въ Англіи долго не хотѣли вѣрить этому письму, тѣмъ болѣе, что передъ отъѣздомъ своимъ Вольфъ объявлялъ, что если не застанетъ офицеровъ въ живыхъ, то изъ Бухары не будетъ писать. Но такъ какъ въ письмѣ было сказано, что оно написано по приказанію эмира, то все еще надѣялись. Но надежда эта была не продолжительна. Въ октябрѣ въ Лондонѣ было получено новое письмо отъ Вольфа, въ которомъ онъ подтверждалъ извѣстіе о смерти офицеровъ и писалъ, что онъ самъ находился въ крайней опасности. Письмо было отъ 27-го іюня и содержало съ собою слѣдующее:

«Вотъ уже два мѣсяца, какъ я прибылъ въ Бухару и хоти эмиръ не разъ обѣщавъ отправить меня обратно въ Англію, я нахожусь въ большой опасности. Я не иначе смѣю выдти на улицу, какъ въ сопровожденіи трехъ солдатъ. Меня самымъ подлымъ образомъ обманули, обокрали и оскорбляютъ. Персидскій посоль благоволилъ мнѣ, но я не думаю, чтобы онъ имѣлъ довольно власти, чтобы спасти меня. Наибъ-Абдуль-Суммукъ-Ханъ заставилъ меня насильственнымъ образомъ подписать обязательство, по которому я долженъ выплатить ему 5000 томановъ выкупа. Я полагаю, что онъ виновникъ смерти Стодларта и Конолла, хотя онъ и неперестаетъ увѣрять меня въ преданности своей Англіи. Эмиръ находится теперь въ Самаркандѣ и, мнѣ сказали, съ нетерпѣніемъ ждетъ извѣстія о моеи смерти. Правда, что бѣдный Стодлартъ, принявшій по принужденію, мусульманское вѣроисповѣданіе, потомъ, открыто, опять воротился къ христіанской вѣрѣ. Забудьте обо мнѣ; дѣлайте, что возможно, но не уныжайте чести Англіи.»

Нѣсколько времени спустя въ англійскихъ газетахъ появилось еще письмо:

«Мешидъ, мѣсяца Шабапа, 25-го дня, 1844.

«Любезный Гроверъ! Такъ какъ я не смѣлъ вести въ Бухарѣ своихъ записокъ, то и забылъ число христіанскаго мѣсяца!

«Не смотря на то, что коварный и низкій Наибъ-Абдуль-Суммукъ-Ханъ взялъ съ меня обѣщаніе заплатить ему 5000 томановъ, моя казна была, если бы персидскій посланникъ Аббасъ — Келль-Ханъ не спасъ меня. Теперь я прибылъ въ Персію большой, измученный, ограбленный и, кромѣ того, съ долгомъ въ 5000 томановъ, который я долженъ заплатить брату Наюба-Абдуль-Суммукъ-Хана, проводившему меня въ Тегеранъ. Помогите мнѣ, если можно, а нѣтъ — такъ надо будетъ идти въ тюрьму. Эмиръ бухарскій отправилъ въ мѣстѣ со мною посла въ Англію, а Наюба, заставившій меня, окруженнаго стражей, въ своемъ саду, подписать обязательство на 5000 томановъ, заставлялъ въ то же время подписать обѣщаніе, что я беру на себя всѣ путевыя издержки посла, отправляемаго въ Англію. Кромѣ того, этотъ посоль возмущалъ противъ насъ, посреди степи, туркомановъ, которымъ мы должны были выплатить 150 томановъ. Вся ваша

«Юсупъ Вольфъ.»

Изъ другаго письма миссіонера Вольфа явствуетъ еще, что кромѣ Стодларта и Конолла, въ Бухарѣ былъ еще казненъ третій англійскій офицеръ, лейтенантъ Выбордъ, неизвестно по какимъ причинамъ.

Наконецъ, миссіонеръ прибылъ въ Тегеранъ, и слѣдовательно, спасенъ. Мы съ удовольствіемъ, можемъ сообщить нашимъ читателямъ, что онъ теперь ужъ прибылъ въ Англію, гдѣ честна и праздновали его возвращеніе.

Дочери полковника Стодларта получили пенсію въ 150 фунтовъ стерлинговъ.

(*) Пускай Кокандцевъ, потому что Конолла прихвально изъ Кокандъ, а ужъ Хивинцевъ почему?

Місіонеръ Іосифъ Вольфъ.

Достъ Могамедъ.

Начальники Бухарскаго народа.